

Вестник Чернушки

Новости Чернушки и Чернушинского района. Реклама и сотрудничество:

<https://vk.com/write16355584>

Регистрация в РКН:

<https://knd.gov.ru/license?id=6768b73740af125d6a663020®istryType=bloggersPermission>

Зарегистрированная страница

vestiche

Сообщество создано 4 апреля 2011

Владелец и администратор Евгения Савицких

Подписчики 34 863

Сведения об авторе:

Черняков Сергей Григорьевич, 1956 г.р.

Образование высшее, факультет журналистики Уральского госуниверситета

На штатной работе в СМИ с декабря 1974 г.

Член Союза журналистов с 1980 г.

nkray@mail.ru

Выдвигается по номинации **Публицистика**

Приложения:

- аннотации:

Все реки текут в море

С иными героями публикаций расстаться просто невозможно. Нет, не только потому, что сам по себе человек интересен. Просто он допускает тебя в свой близкий круг, и сам становится частью твоего внутреннего мира.

И взрослея, меняясь, ты начинаешь полнее понимать его внутреннюю суть и место его не только в твоей душе, но и в душах людей, его окружавших, влияние его на их становление и изменения их жизненных путей, их судеб.

Так сильный поток вбирает малые потоки, меняя их русла – и становится не только мощнее сам, но и умножает силу и мощь всех слагаемых. И превращается в могучую реку, устремляясь пополнять море нашей жизни. А изначальную силу ему дают родники, его породившие, и препятствия, которые он преодолевает.

И ты возвращаешься к герою спустя десятилетия, на новом уровне осмысливая его судьбу. Не по собственной прихоти, а потому, что так надо. Так правильно...

Время помнить

Одна из читательниц возмутилась: что значит – герою публикации исполнилось семьдесят?! Он же умер несколько лет назад!

Да, умер. Но это не отменило течения времени. А человек жив, пока его помнят – и это относится не только к обитателям мавзолеев: мавзолеи – они и в наших сердцах. Больше того, в этих мавзолеях вечно живы не только наши сверстники, но и сами те времена, в которых мы жили. Заглядывайте в них, пока есть возможность. Есть время любить – и время ненавидеть, время собирать камни – и время разбрасывать камни, есть время жить и время умирать, есть время помнить... а пока есть те, кто помнит – для нас это время жить...

- тексты:

Все реки текут в море

<https://vk.com/@vestiche-ne-putevye-istorii>

Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь.

Еккл. 1:7

...- Ой, Серёженька, да разве это жара? Жара стояла тогда в Бомбее...

Я опять поторопился. Не рассчитал со временем и прискакал слишком рано. А вполне могло быть, что Леонида Юрьевича перехватили по дороге, и он в силу извечной своей вежливости не смог оборвать несвоевременный разговор и плавился сейчас в июльском пекле, выслушивая собеседника.

...- представляете, Серёжа, я каждую неделю покупала Лёничке пару дюжин белых рубашек. С утра на службу уедет в свежей, на обед прибудет – сменил ее на чистую, а вечером, перед клубом – еще одну. А как? Мужчина всегда должен быть в свежей чистой рубашке – он же не индус какой.

- А вечером в китайскую прачечную сдавали?

- Что вы, Серёженька! Зачем же в прачечную? Мы их сразу бедным отдавали...

Я неслабо охреневаю.

Нет, не оттого, каждую неделю целых двадцать четыре практически неношенные рубашки (а на дворе стоит самое начало семидесятых, в магазинах толковых белых рубашек – ни капли синтетики, сплошной хлопок - даже с ищейкой не найти) – улетало в никуда.

Я охреневаю от тихого ежедневного подвига женщины, подававшей мне фантастически вкусный по-особому заваренный чай (именно подававшей – поскольку я был один, а не задержись хозяин – стол бы чаепитию был накрыт по полной форме – с кучей розеточек под варенья, мед, мелкую выпечку – так уж в этом доме было заведено испокон веку). И подвиг этот воистину велик: по первому слову мужа собрать детей, упаковать самое необходимое – и уехать из уютного обжитого дома, где родились старший сын и старшая дочь - вначале на Цейлон, затем в Гонконг, и уж оттуда – в порт Находку, в полную неизвестность. И куда? 1947 год – Дальний Восток, глухое село, запрет на выезд за Урал и в крупные города, поднадзорность. А бывший солидный управленец из Тексас К° – или в то время уже Калтекс К°? – в этом селе механиком. В пимокатной артели...

...Тогда, мальчишкой, я не посмел задать ей вопрос – как?

А теперь бы и в голову не пришло спрашивать.

Потому что уже знаю: бросают - любимых. Уходят, не оглядываясь.

Потому что от любимых не рожают третьего ребенка.

И не держат дом так, как учили еще в девичестве - таким уютным, что сюда хочется вернуться. И неважно, дом ли это в английском сэттльменте китайского города Тяньцзинь, где она встретила будущего мужа, особняк ли в колониальном стиле в Бомбее, вилла на Цейлоне, апартаменты в Гонконге, каюта теплохода «Гоголь», ползущего в Находку или покосившаяся лачуга в дальневосточной деревне. Потому что жена, как завещано в Писании, прилепилась к мужу и день за днем выстраивает вокруг него дом, в котором всем домашним будет уютно.

Пусть даже и в лачуге.

На земле предков.

В России.

В той, которая когда-то давным-давно послала их родителей на службу за свои пределы, а пределы те были от Польши, Финляндии и стран Леванта до Китая. Включительно.

В земле, которая просто поменяла имя, утратив часть территорий – уже не Российская империя, а Союз Советских Социалистических Республик.

Хотя по сути своей так и оставалась – и Россией, и империей...

Леонид Монголию, где он родился, практически не вспоминал. А чего ее вспоминать? Монголия, точнее, то, что мы сейчас называем Монголией, была в ту пору даже не страной, а территорией – Внешней Монголией, частью Китая. Да, эпоха империи Чингисхана канула в прошлое, за нею миновали времена империи Юань, империи Цин; в год, когда родился Леонид, в результате национальной революции призрачная независимость замаячила было, но уже в 1915 году территория вновь ненадолго стала автономией Китайской республики, а там и статус автономии был утрачен в результате китайской оккупации. И только в 1921 году дивизия русского барона фон Унгерна вместе с монголами выбила оккупантов из Урги – тамошней столицы. От этого времени и начался отсчет нового государства, единственной провинции Китая, получившей статус независимого субъекта, поддержанного затем советской Россией. Но к тому времени Лёня с группой детей сотрудников российской меховой компании обитал уже не в Урге, а в британском сэттльменте Тяньцзиня, в колледже Сент-Луи, так что всадники со свастикой на погонах из азиатской дивизии барона особых впечатлений не оставили...

- Со свастикой?! То есть они уже тогда были фашистами? – изумлялся я.

Леонид Юрьевич вздыхает. Человек он тактичный.

- Ну отчего же фашистами? Фон Унгерн мечтал возродить империю Чингисхана в ее древних границах. Отчасти оттого и пошли за русским офицером монголы, тем более, что он освободил из китайского плена Богдо-хана, посадив на трон. Отсюда и восточная символика. А свастика... Свастику, Серёжа, нацисты просто украли у буддистов, когда лепили свою «арийскую» псевдоисторию, пытаясь привязать ее корнями к мифам Востока. Правда, древний соляренный символ не слишком им помог, не стал ключом к Шамбале, - тут мой собеседник усмехается. – А вот незачем было его переворачивать с восхода на закат, да еще и наклонять на сорок пять градусов. Так что не случилось тысячелетнего рейха, не случилось...

А что тогда вспоминалось ему из детства? Не слишком многое. Упорная выматывающая учеба в колледже, где на русском преподавался только один предмет – закон божий, а все остальное – на английском, за редким исключением – на немецком и французском. Тоска по родным, путь к которым закружила метель событий. И совершенно туманное будущее после выпуска.

Да, мальчишку-выпускника не выбросили на улицу, больше того, приняли в тот же колледж надзирателем – аналог должности воспитателя в российских общагах. Дали возможность оглядеться после учёбы.

И процесс не затянулся.

«Тексас К° требуется стенографист».

Короткая строка объявления.

И камешек, изменивший русло жизни мальчишки.

Тот, который много позже поставит его перед выбором: устоявшаяся обеспеченная жизнь – или долгий и тернистый путь на разоренную войной родину отцов, где сам он никогда прежде не бывал.

А пока...

Пока – вверх по лесенке: жизнь уже приучила его бороться со сложностями и побеждать. Стенографист, товарный оператор, клерк; Тяньцзинь, перевод в Шанхай - толкового парня заметили. 1938 год – перевод в Бомбей: в воздухе отчетливо запахло большой войной, компания держит курс на расширение, создает в Бомбее крупнейший в регионе нефтяной хаб, ставит огромный терминал; проверенные, опытные сотрудники там необходимы – и старший менеджер Жуков оседает в британской Индии. Надолго ли? Судя по появлению сына, а затем дочери – надолго. Вот только человек предполагает...

Теперь горит не только Китай, пылает вся юго-восточная Азия: императорская Япония строит на востоке «сферу сопроцветания». То же и на Западе – рушится граница за границей, фюрер объединяет Европу, но неожиданно увязает в России. Здесь, в Индии, пока тихо – но идут танкер за танкером, и по напряженной работе терминала ощущается биение пульса войны: ведь нефть – ее кровь...

А еще здесь, в Бомбее, есть русские. Советские русские. Из «Мосфильма». И между делами надо выполнять обещанное, поработать над переводами фильмов на правильный английский. Хроника. Документалки. «Клятва». «Зоя Космодемьянская», «В шесть часов вечера после войны»... И русло ручья жизни начинает по чуть-чуть смещаться в сторону большого потока. И окончательно сворачивает после статьи в «Правде»: отчизна зовет своих сыновей, волею судеб оказавшихся за ее пределами. Помните? Все реки текут в море...

Кстати... тогда, во вторую мировую, вновь вернулась мода на все русское – в том числе на радиопередачи, книги – и газеты, получаемые через консульства. И возвращение этой моды было оплачено кровью, мужеством и стойкостью советского воина.

И Жуков пишет письмо в консульство – и заявление об увольнении. И получает... перевод на новую должность. На Цейлон. Подальше от консульства.

Переезд. Новая должность в той же компании: она не готова расставаться с опытным сотрудником. Должность хорошая, зарплата неплохая, работа знакомая...

А Жуков не успокаивается.

Не успокаиваешься? Вот тебе должность в Гонконге. Что тебе в той советской России – ты же там ни дня не жил, там же вся жизнь войной перепажана, холодно, голодно и не ждет никто.

А он опять пишет. И опять...

Правду сказал Экклезиаст: все реки текут в море.

Даже если они никогда не были там прежде.

Даже если им преграждают путь: вода ход найдет.

И потому теплоход «Гоголь» идет в порт Находку. А на его борту девочка Лида учится уверенно писать по-русски. Говорить на языке родителей она умеет с детства – теперь остается отшлифовать письмо.

А потом она станет нашей классной. Самой классной из всех классных в нашей школе №5, как бы ни косились на нее коллеги. Но мы-то знали...

Солнечным утром четвертого ноября 1958 года Жуков шагал по территории чернушинской эстакады налива, привычно отмечая: все оборудование, перевезенное со станции Ферма, где он был начальником участка конторы перекачки нефти, смонтировано. Вон там – два насоса НДВ-6, а там – пара резервуаров-тысячников. Железнодорожную ветку дотянули. А вот операторскую не достроили... Готово только то, без чего не обойтись: первая отгрузка уже завтра.

Пятое ноября, одиннадцать двадцать. Тяжелая струя первой нефти Чернушки гулко ударила в цистерну. Дух перехватывало – не из-за специфического запаха «черного золота», а от волнения: сбылось!.. добились!

И трещали кинокамеры хроникеров. И волнами накатывались аплодисменты, едва не заглушая оркестр. И звучали слова ораторов – правильные в целом, предрекавшие большое нефтяное будущее югу Прикамья... Да, потом покажут первый эшелон нефти во всероссийской кинохронике, слегка смонтировав и закольцевав кадры, потому что не бывает эшелонов длиной в три цистерны

– и не смеялись над этим герои кинохроники, понимая: это – аванс, и следом за первыми цистернами действительно потянутся эшелоны, все еще впереди.

А Жуков не отвлекался, он планировал: добиться строительства нового нефтепровода, увеличив диаметр приемных труб, расширить парк резервуаров. И обязательно в кратчайшие сроки достроить операторскую... и поставить хотя бы маленький котелок: зима давно на носу. Нет средств и строителей? Так и времени нет: ноябрь. Это не Цейлон и не Индия. Но есть молодой задор наливщиков, товарных операторов, лаборанток – осилим!

И осилили. И не только это...

- Помню, на политучебе сидим, а Юрьич нам про будущее зачёсывает. Про светлый многоэтажный город с центральным отоплением, горячей водой и теплыми сортирами, про асфальтированные улицы и Дворец культуры, про кафе и каменные детсады с бассейнами, - жмурится бывший наливщик. - Какие нахрен каменные сады? Какой асфальт? Я ему: сказки все это. Тут дорогу-то гравируем ладом не отсыпали. Вон у нас на эстакаде грязища по колёно, снег-то сходить начал; пока добредешь до эстакады, такие лапти из глины на сапоги наматываешь, что едва до операторской тащишь... А он мне: если сидеть и ждать, что кто-то тебе дорогу отсыплет – так и будешь полжизни в глиняных лаптях ходить. А те, кому это надоело, вчера вечером деревянное корыто смастерили, мочальные кисти на палки насадили, а сварщик наш после смены из металлолома собирает скребок, чтобы грязь с сапог ты отчищал, не нагибаясь. Насосную станцию на берегу Таныпа запроектировали – будет вода и у нас, и в городе, а настоящую котельную на эстакаде мы и сами построим. И душевую...

Помните, как там дальше у Экклезиаста? Море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы снова течь. Молодежный коллектив эстакады вбирал в себя все лучшее, и потому думал не только о текущей работе. В перерывах между наливками бежали укладывать шлакоблоки: строили себе душевую, дополнительную насосную, благоустраивали территорию... И первыми в нефтепромысловом управлении включились в движение за коммунистическое отношение к труду: не только отлично выполнять свои основные обязанности, но и делать что-то плюсом – для всех, для общества. И менять отношения между собой, собирая отдельных работников в единый коллектив. В команду, как назовут это позже. Так, как научился этому Жуков там и перенес это сюда, пересадив буржуйский тимбилдинг на русскую почву. И прижилось. Не могло не прижиться – общинность в нашем народном характере. И ручейки снова сливались в реку и текли вперед...

Сейчас, через годы намеренного разрушения коллективизма, это снова кажется сказкой. Но было, было...

В день полочки на стол в красном уголке (появился такой в цехе перекачки) выкладывалась ведомость, а деньги – в ящик стола. Закончившие работу заходили, расписывались в ведомости, отсчитывали свое – и только раз второпях механик обсчитался, взял лишнюю десятку. Надо было видеть его лицо, когда, обнаружив, что взял лишнее, через час он ворвался в красный уголок, весь в мыле...

А еще там так торговали книгами: выкладывали стопку вместе с накладной на стол, и покупатель только отмечал в накладной взятое, уложив деньги в ящик стола.

А еще там изживали мат: стоило обругать непослушный шланг – и вечером на школьной доске у проходной уже красовалась твоя фамилия с характеристикой «матерщинник». И висела до поры, когда придет пора собранию принимать решение о размерах премий по бригадам. И тогда товарищи по бригаде объяснят несдержавшемуся, что уменьшать бригаде премию – нехорошо.

А еще овладение смежными профессиями, движение рационализаторов.

А еще...

А еще много можно рассказывать о тех временах, воистину легендарных. Но итог налицо: первый в НПУ «Чернушканефть» коллектив коммунистического труда – бригада №1 цеха перекачки нефти, бригадир – Леонид Полин, начальник цеха – Леонид Юрьевич Жуков. К маю 1960 года в цехе было уже две таких бригады, а в 1962 году всему ЦПН было присвоено звание цеха коммунистического труда.

А еще можно, кстати, успеть расспросить мальчишек и девчонок из той, первой команды Жукова – они вам многого чего интересного могут рассказать. Тех мальчишек и девчонок, что не сильно верили на политучебе «сказке» Жукова о будущем и не замечали, что строят эту сказку собственными руками. И играли веселые комсомольские свадьбы, и переезжали из барачков в новенькие кирпичные дома, и поутру тащили сонных детишек в каменные детсады по асфальтовым дорожкам, и отмывали окна от свежей побелки в только что сданной школе у пруда, и на субботниках строили новый кинотеатр с танцзалом наверху, окрестив его в память тех субботников Энтузиастом. И потом плясали на свадьбах уже своих детей и встречали первых внуков... а там и правнуки подросли. Да, времени прошло немало, но вы поищите – ищущий да обрящет.

А реки жизней... они по-прежнему текут в море, принося с собой в общую копилку набранный опыт и плоды труда. Но море по-прежнему не переполняется, отправляя свежие ручейки-жизни, чтобы снова течь.

В очерке упомянут символ, запрещенный в Российской Федерации. Он упомянут в контексте характеристики тех сложных исторических событий времен гражданской войны, что происходили на дальних восточных рубежах нашей страны

Время помнить

vk.com/@vestiche-vremya-pomnit

В 2026 году Чернушка празднует круглую дату: шестьдесят назад вышел документ, поднявший статус маленького приуральского рабочего поселка до города. Еще не раз чернушинские СМИ вернутся к юбилейной теме. Будут и исторические справки, и обзоры событий, и рассказы о предприятиях. История немислима и без рассказа о тех, кто пишет ее своими делами: о поколениях первопроходцев, о буровиках, нефтяниках и строителях. Но сегодня – не об этом.

Время помнить

Нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими: потому что это - доля его; ибо кто приведет его посмотреть на то, что будет после него?

Еккл. 3.22.

Сегодня – о времени.

Сегодня - о поколении, родившемся в поселке, а выросшем в городе.

Сегодня о Николае Волошине, которому 1 января исполняется 70 лет, и обо всех нас, его ровесниках, мальчишках и девчонках, оказавшихся на 10 лет старше нашего города...

Больше полувека назад это было – когда и солнце было ярче, и трава зеленее, и зима морознее... отчего бы не поворчать накануне седьмого десятка?

Ой, всё...

На самом деле трава была такой же, и солнце светило не слабее, и летние месяцы по-разному случались – то жаркие, то прохладные и дождливые. Вот только зимы и вправду были суровее...

Интересное было время, причудливо смешавшее прошлое и будущее. В апрельском номере районной газеты на самом верху первой полосы под заголовком «Первый человек в космосе – советский!», набранным праздничным шрифтом «Наполеон» стояло сообщение ТАСС о полете Юрия Гагарина – а на последней, с детальными инструкциями и чертежами, объяснялось, как правильно обустроить уличный туалет и выгребную яму...

Компании наши собирались на стадионе. Почти все улицы, казалось нам, вели именно сюда. Нашей восьмиквартирке было легче: от стадиона двор отделялся высоким забором. Раздвинул пару досок, держащихся на одних только верхних гвоздях – и уже на месте. Правда, доски вымазаны дегтем от сорванцов-безбилетников, не желающих тратить свои копейки в кассе перед матчем, а иной раз и проволокой запутаны – да разве нас остановишь! А вот другу моему Кольке приходилось бежать на стадион по деревянным мосткам – благо, почти все улочки Чернушки были оборудованы дощатыми тротуарами.

Здесь, на стадионе, мы и познакомились. Так, как было принято у нас, мальчишек, знакомиться: попробовать незнакомца на прочность, потолкаться (сурово, но аккуратно: извозишься в грязи – дома всыплют), и уж потом определиться: мир-дружба или совсем наоборот. До школы оставалось всего несколько месяцев, и бабушки решили нас свести заранее.

Бабушки... это, пожалуй, был важнейший педагогический фактор тех лет. При шестидневной рабочей неделе родителям почти не оставалось времени на детей – так и росли мы бабушкиными внуками. Пережившие первую мировую, революцию, гражданскую, польскую, финскую и Великую Отечественную войны, они не очень-то баловали внучат; сами не слишком-то грамотные, упорно долбили с нами таблицу умножения и алфавит, учили читать, тащили в библиотеку. Вот разве что писать не учили, чтобы в школе не пришлось переучивать...

Школа у нас с Колькой была заслуженная, старейшая в Чернушке – четвертая, бывшая железнодорожная. Та самая, из стен которой вышли и Герои Советского Союза, и будущие Почетные жители, и академики, и генералы, и государственные деятели. И пусть порой холодными зимними утрами приходилось перышком пробивать ледок в казенных чернильницах-непроливашках и набрасывать пальтишки на плечи – зато как интересно на уроках у Людмилы Матвеевны! А походы? А азартный поиск металлолома всем классом и офигенская ребячья мечта

– найти обрезок рельса, поднатужиться, закинуть его на телегу - и заткнуть наконец-то за пояс задавак из третьего «бэ»...

Честно говоря, для нас превращение рабочего поселка в город прошло как-то незаметно. Гораздо больше волновало строительство самой первой пятиэтажки на Ленина 101 – кирпично-полосатой, благоустроенной, с центральным отоплением и даже с титанами-водогреями в каждой квартире. Не удивительно: до нее самым высоким сооружением в Чернушке была каланча у пожарных. Время от времени мы тайком от домашних отправлялись в поход, проверить – как там стройка. И что символично – сдан был дом в том самом 1966 году. И решение о переходе на пятидневную рабочую неделю приняли тогда же – правда, в силу оно вступало с 1967 года. Но как бы то ни было, в семье возвращались родители – и Колькину маму-фронтовичку Марию Дмитриевну, и моих можно было теперь застать дома и по субботам, пусть и не по каждым.

А еще через несколько лет мы перебрались в новый микрорайон нефтяников: я – чуть раньше, Колька – чуть позже. В один двор, в соседние дома. И в один класс пятой школы. Судьба...

Она, судьба, была к нам явно благосклонна. Нет, не баловала – мы знали и о копеечных пенсиях наших бабушек, и бывало подолгу понапрасну дежурили в очередях, надеясь, что сегодня привезут хлеб и не придется домашним стряпать лепешки из размолотых серых макарон. Всякое бывало. Благосклонность судьба проявляла по-другому: щедро отпускала нам настоящих учителей. Бабушек, суровых и непреклонных, когда дело касалось школы и разбора проступков. Соседей-взрослых, готовых и помочь, и крапивою стегануть порой за дело: не было тогда чужих детей. Любимых педагогов - Людмилу Матвеевну, умевшую прощать ребячьи шалости и вновь вернуть замечтавшихся к теме урока, Лидию Леонидовну Лопашову - о ней стоит сказать особо.

Боюсь, что педагогическая метода Лидии Леонидовны не вызывала энтузиазма у ее коллег. Какие-то не очень советские привычки: весь классный час посвящать совету с детьми, как отпраздновать Новый год. Не распорядиться: кому – стенгазету выпустить, кому – открытки написать, а именно посоветоваться как с равными. Даже не так: как с основными организаторами праздника. Стенгазету хотите? Ищите ватман, краски, фотографии, придумывайте сами – ни подсказок, ни цензуры не будет. В общешкольном концерте решили участвовать? Пишите сценарий, рожайте тексты, с классом на время репетиций договорюсь. Вечеринку хотите? Ну, в школе не получится, так что придется у меня. Но сразу договаривайтесь, по сколько будете складываться, кто продукты станет закупать, кто придет пораньше пельменей налепить, кто музыку обеспечит... Так воспитывалась самостоятельность и стремление к лидерству.

И мы привыкали к тому, что наш голос – решающий, что мы – хозяйева своей жизни, и пусть никто ничего не принесет нам на блюдечке – мы справимся сами, а если будет за что – и ответим. Мы – взрослые.

И друг мой Колька сочинял переделки «В лесу родилась елочка» на мотивы хитов того времени, и руководил репетициями - одна шла за другой, и потом наше выступление буквально рвало зал. А на следующий день мы мчались на закупки, два часа на кухне у нашей классной лепили пельмени, потом болтали обо всем на свете за общим столом и за полночь разводили по домам наших девчонок... А придуманный нами политклуб – обсуждалки на самые разные, порой весьма щекотливые темы? Перечислять – не перечислить...

Нина Петровна Золотарева – тоже тема особая. Первое реальное школьное самоуправление – республика «Юность» пятой школы. Не внешние признаки: выборы ученического начальства – совета дружины и комитета комсомола; а реальное самоуправление, имевшее голос и на педсоветах, и в хозяйственной деятельности. И мы понимали: мы – не объект воспитания и обучения, мы – партнеры. Мы – взрослые, а это значит, что мы вливаемся в ряды тех, кто на глазах преображает наш молодой город, делает его многоэтажным, одевает непролазные грязи в асфальт. И пусть пока на практике мы катаем тележки на старом кирпичном заводе – из этих кирпичей на нашем стадионе будет построена спортивная школа.

Мы – не цветы жизни.

Мы – новые ростки будущего Чернушки...

Коля мечтал о МГИМО. Да, мечта была несбыточной. Но она задавала высокую планку – и этой планке Николай соответствовал. И поэтому никого не удивило, что активист школьного самоуправления, заместитель секретаря общешкольного комитета ВЛКСМ получил в райкоме направление не просто в институт, а на «тяжелниковский» факультет Челябинского педа, готовившего руководящие комсомольские и партийные кадры с легкой руки его выпускника Евгения Тяжелникова, ставшего ректором, а потом и первым секретарем ЦК ВЛКСМ.

Было интересно. Было очень интересно. К слову о мечте, - довелось поработать на практике вожатым интернационального отряда в Артеке.

И любовь всей жизни – история Родины.

И просто любовь. Любовь Ивановна – будущая жена.

Коля возвращался домой – в маленькую двушку-брежневку, к маме и бабушке. В доме молодого учителя-историка стало теперь три женщины. Ненадолго: вскоре родилась и первая дочь...

Ступеньки служебной карьеры отсчитывались легко. Заведующий орготделом райкома комсомола. Инструктор райкома партии. Второй секретарь райкома ВЛКСМ. Первый секретарь райкома комсомола. Снова райком партии. Серьезнейшая школа для молодого руководителя, огромный объем практической работы. Второе высшее - экономический факультет Пермской сельхозакадемии: пришлось разбираться и в хозяйственной деятельности. И направление на учебу в одно из самых престижных заведений СССР – Академию общественных наук при ЦК КПСС. Кандидатская диссертация на очень непростую тему. Только вот защищать ее пришлось уже в ту пору, когда самого ЦК КПСС не стало...

Последние годы учебы дались нелегко. Переходный период в стране... скорее, переломный. Растущие цены. Дефицит всего. Учеба очная – а дома семья: больная мама, жена, две дочери. Разрываться между домом и учебой, Москвой и Чернушкой было бы невозможно, если бы не Люба. Мы завидовали Волошину, не скрывая – нет, не карьере, а тому, насколько крепкий тыл обеспечила ему Любовь Ивановна: волокла на себе всех детей, весь дом, все хозяйство, все сады-огороды – и при этом успевала и на работе. Как уживались в семье два лидера? Да прекрасно, ибо лидерство их было нацелено не на борьбу за первенство в семье, а во внешний мир.

Пять раз избирали чернушане Николая Волошина депутатом Земского собрания района; трижды коллеги-депутаты, признавая богатый опыт Николая Дмитриевича, выбирали председателем ЗС. И в числе депутатов первого созыва был Волошин. Принципиальность позиций, готовность к конструктивному диалогу, умение доводить дело до конца и готовность аргументировано отстаивать свою правоту даже оставаясь в меньшинстве – вот те черты характера, за которые ценили депутата товарищи и опасались соперники.

Поколение росших вместе с родным городом – оно такое: как бы ни изменялся мир вокруг, изменять своим принципам мы так и не научились. Один из немногих руководителей, Николай Дмитриевич так и не положил свой партийный билет. Больше того – много сил приложил, чтобы восстановить чернушинскую организацию коммунистов. Делегат двух съездов КПРФ, член Центральной ревизионной комиссии, член крайкома КПРФ, он до конца не спускал знамя, которому присягал на верность. И не раз доказывал эту верность конкретными делами, жестко отстаивая принцип социальной направленности районного бюджета, исполняя указы избирателей округа.

Кстати, о верности традициям. Мальчишки нашего поколения – страстные поклонники футбола. И пусть ни одному из нас не довелось сыграть за сборную Чернушки, и азарт свой мы выплескивали лишь на трибунах и в схватках наших дворовых команд, двое из нас – Николай Волошин и Александр Жаков смогли сказать свое веское слово в сохранении большого чернушинского футбола: Александр – став тренером «Нефтяника», Николай – руководителем федерации. Именно Николаю удалось возродить на стадионе дух далеких шестидесятых: и прекрасный комментарий по ходу матча, и программки с расписанием игр, и награждения, и главное – клуб болельщиков, представители которого не только поддерживали любимую команду на домашних играх, но и выезжали вместе с ней на самые ответственные матчи.

Но самым любимым детищем Николая Волошина, несомненно, была гимназия, которой он руководил на протяжении ряда лет. Обилие золотых медалей у выпускников (бывали годы, когда их количество превосходило общий «золотой урожай» всех остальных вместе взятых школ района), знаменитые олимпиады по истории и межрайонные мероприятия на базе школы для педагогов – это внешняя, видимая сторона работы. А внутренняя, не столь бросающаяся в глаза – это постоянная заточенность всей деятельности учебного заведения под воспитание самостоятельности гимназистов, четкой гражданской позиции, настроя на лидерство. Тех самых качеств, которые исподволь прививали когда-то в школе и нынешнему вице-президенту Академии творческой педагогики Николаю Волошину, и всем нам, его одноклассникам.

Не все новации директора встречали аплодисментами. Поначалу казались дорогостоящими игрушками и школьная газета, и школьное издательство, и школьное телевидение. Доигрались: выпускники уверенно шагнули в большую жизнь журналистами. А ведь это далеко не единственная профессия, азы которой осваивались гимназистами Пристани Детства. А затея с Ванкувером? И с другими иностранными гостями гимназии? Но разве можно переоценить живое общение с природными носителями языка, который изучаешь по учебникам?.. Примеры новаций можно множить и множить: наше поколение не для скуки рождалось.

Судьба разбросала нас, чернушинских мальчишек и девчонок тех лет. Кого – вузовское распределение, кого – замужество, кого – карьерный рост. Вот и Николай Волошин впервые за много лет встречал свой шестидесятый день рождения вдали от родного района, работе в котором отдал большую часть жизни. А шестидесятилетие родного для нас города нам предстоит встречать, увы, уже без него: годы проредили наш десятый «А». Но не исчерпан еще заряд энергии нашего поколения – поколения родившегося в маленьком рабочем поселке и превращавшего его в город...